

УДК 070:821.111(73)

**ТРАГЕДИЯ ИНТЕРНИРОВАНИЯ В ГОДЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОМ
ЯПОНСКО-АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ**

Е.С. Хованская

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье осуществляется систематизация фактов, анализ исторических, документальных, автобиографических источников, лежащих в основе романа современной японско-американской писательницы Джулии Оцуки «Когда император был Богом» (*When the Emperor was Divine*, 2002), в котором повествуется о трагедии американцев японского происхождения, отправленных в годы Второй мировой войны в лагерь для перемещённых лиц. Предмет анализа – трансформация исторического факта в факт художественный. Выявляется путь, который проходит писатель от документа к роману. Автор делает вывод, что при выборе источников писательница руководствовалась стремлением не только получить информацию от живых свидетелей, но и помочь визуально представить себе жизнь в лагере, а общая стратегия сюжета романа связана с мифологизацией реальности. В результате сам жанр произведения трансформируется: художественно-документальный дискурс обогащается философским и психологическим, конкретно-историческое приобретает очертания вечного, универсального.

Ключевые слова: Вторая мировая война, интернирование, лагерь, современный японско-американский дискурс, исторический факт, документальные источники, трансформация, художественный факт, роман, Джулия Оцука

Вторая мировая война давно стала историей. Казалось бы, её трагические и героические страницы уже написаны и известны. Однако по мере того, как события военных лет отодвигаются в прошлое, обнаруживаются новые факты, возникают новые повороты этой поистине неисчерпаемой темы.

В 2013 г. в России был опубликован первый роман американской писательницы японского происхождения Джулии Оцука «Когда император был Богом» (*When the Emperor was Divine*, 2002) (К.И.Б.Б), посвящённый теме, которая до сих пор не популярна в Соединённых Штатах Америки. Речь идёт о трагической судьбе более чем 110 тысяч японских иммигрантов, тех, кто после бомбёжки Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. был объявлен Франклином Рузвельтом иностранным неприятелем и отправлен в специально созданные лагеря, находившиеся в различных удалённых от центра районах США, в зонах с крайне тяжёлым для человека климатом. Вот как вспоминает об этом активист борьбы

за права человека, актёр Джорж Тей, правнук иммигрантов из Японии, попавший в такой лагерь, когда ему было пять лет: «На японцев в США, американских граждан японского происхождения, смотрели с подозрением и опасением и откровенной ненавистью лишь потому, что мы были похожи на людей, атаковавших Пёрл-Харбор. И истерия продолжала расти до тех пор, пока в феврале 1942 г. президент США Франклин Делано Рузвельт не приказал всех американцев японского происхождения западного побережья Америки собрать в кратчайшие сроки без обвинений, без судебного процесса, без правовых гарантий. Правовые гарантии – это центральная опора нашей системы правосудия. Всё это исчезло. Нас должны были собрать и отправить за колючую проволоку в 10 тюрем в одном из самых отдалённых мест Америки: мучительная жара Аризоны, душные болота Арканзаса, пустыри Вайоминга, Айдахо, Юты, Колорадо и два самых пустынных места Калифорнии»¹ [1].

По свидетельству историков, в мае 1942 г. министерство юстиции представило Рузвельту подробный доклад о результатах исследований, связанных с депортацией японцев, в котором говорилось, что в ходе операции не было обнаружено каких-либо опасных лиц, не было найдено оружия или динамита, пороха, предназначенных для каких-либо диверсий. «Опрос свидетелей, в том числе представителей городских властей, показал, что никаких подозрительных действий со стороны японцев не наблюдалось» [2, р. 157–158]. Тем не менее это не избавило их от пребывания в лагере.

Цель нашей работы – систематизация и характеристика основных исторических, документальных, автобиографических источников, лежащих в основе романа Джулии Оцуки «Когда император был Богом», выявление того, как происходит трансформация факта истории, документа в художественное явление.

Джулия Оцука (Julie Otsuka, р. 1962), поясняя, что побудило её написать свой первый роман на такую непростую тему, в интервью газете «Известия» сказала: «О лагерях для интернированных японцев почти нет художественной литературы. Исследования – пожалуйста, а литературы нет. Думаю, потому, что в то время было не так уж много американских писателей японского происхождения. А ещё, наверное, дело в культурных особенностях. Японцы стараются держать свои проблемы при себе, жаловаться считается дурным тоном.

Я много ездила по стране, выступала перед студентами, многие из них никогда не слышали о лагерях для интернированных японцев, потому что об этом всё ещё не пишут в учебниках истории.

Так что, я думаю, дело в чувстве стыда, которое испытываем мы как страна. И стыда, который испытывают японо-американцы, обвинённые своим собственным, то есть американским, правительством в нелояльности, хотя ничего такого у них и в мыслях не было» [3].

В том же интервью газете «Известия» Оцука признала: в основе романа «Когда император был Богом» лежит история её матери, чья «семья была перемещена в специальный лагерь» [3]. Одновременно писательница заметила, что это и её «история тоже, правда, немного отстранённая. <...> Первый роман всегда имеет дело с подавленными семейными чувствами» [3].

¹ Здесь и далее перевод наш. – Е.Х.

Из этого можно заключить, что одним из импульсов к написанию первого романа Джулии Оцуки был психологический комплекс, в чём-то хорошо знакомый и нашим соотечественникам, пережившим в сталинскую эпоху вместе со своим народом трагедию выселения из родных мест, – стремление снять груз вины за преступление, которое они не совершали. Сама она подчёркивает, что её прежде всего интересовали не столько исторические подробности, сколько вечные темы: «жизни, прерванные войной, население, отправленное в изгнание» [4].

В ходе подготовки к написанию романа «Когда император был Богом» Джулия Оцука познакомилась с семейным архивом, а также обращалась к целому ряду документальных, мемуарных источников, к работам историков, которые она сама перечисляет в специальном разделе под названием «Источники», следующим сразу за текстом её произведения.

Книги и документальные свидетельства, с которыми работала писательница, можно разделить на три группы в зависимости от того, какова функция этих источников в процессе трансформации документального в художественное: одни из них ценны своей психологической правдой, правдой чувств, неповторимых деталей, без которых невозможна достоверная картина времени; другие – своим визуальным рядом, пластическим рисунком, воссоздающим повседневную жизнь лагеря, третьи – своим стремлением к обобщению фактического материала.

В разделе «Источники» Джулия Оцука в первую очередь называет исследование, опубликованное в 1969 г. и являющееся одной из первых работ, открывающих американскому читателю трагедию интернированных японцев. Это книга Одри Джинджер и Энн Лофтис «Великое предательство. Переселение американских японцев во время Второй мировой войны» [5]. Само её название уже говорит об авторской оценке произошедшего как «великого предательства», которое совершил американский народ, руководствуясь исключительно расовой ненавистью, по отношению к части своих сограждан.

В числе других изданий, на которые указывает Джулия Оцука, книга, написанная профессором Университета Юты (University of Utah) Сандрой Тейлор – «Драгоценность в пустыне. Интернирование американских японцев в Топаз» [6]. В ней автор опирается на архивные материалы перемещённых центров, современную прессу и другие исследования, посвящённые американским концлагерям, а также на устные истории японских американцев, которые были интернированы в Топаз, Жемчужину пустыни (всего около 50 респондентов). Эта книга – приглашающий к размышлению, полный различных психологических нюансов и достоверных фактов рассказ об интернировании в Юте. Подробно повествуется о том, как прибывших из районов залива Сан-Франциско Бэй, что на западе штата Калифорния, японцев вначале разместили на так называемом пункте сбора, находящемся на ипподроме Танфоран, а затем отвезли в лагерь Топаз, штат Юта.

Сандра Тейлор была в числе первых, кто исследовал влияние интернирования на *Issei* и *Nisei* (1-го и 2-го поколения переселенцев из Японии). Она считает: именно пробудившееся этническое самосознание, обеспечившее чувство общности, служило для заключённых важным фактором, позволившим сохранить самоуважение и достоинство в лагере. Сложно не согласиться и с тем, что это

были люди, связанные между собой не только общими ценностями, историей и институтами, но и общим статусом аутсайдеров².

Заметим: названные работы Одри Джинджер и Энн Лофтис и Сандры Тейлор были написаны в то время, когда США вновь стали рассматривать Японию в качестве угрозы. Неудивительно, что эти исследования указывают на продолжающееся пагубное влияние предубеждений по отношению к тем американцам, чьи лица даже спустя более чем два десятилетия после окончания Второй мировой войны воспринимаются как противники. Тема интернирования японцев, поднятая в конце 60-х годов XX в., продолжает разрабатываться в последующие годы.

При подготовке к написанию романа «Когда император был Богом» для Джулии Оцуки, конечно, особенно важны источники, содержащие свидетельства очевидцев. Среди подобного рода изданий она выделяет книгу «Изгородь, отделяющая от свободы. Американские японцы и Вторая мировая война», представляющую собой серию интервью [7]. Её автор Эллен Левайн – детский писатель. В связи с этим закономерно то, что, работая над своей книгой о лагере для интернированных, она опрашивала прежде всего тех, кто в годы войны был ребёнком или подростком. В итоге собраны свидетельства тридцати пяти японцев, прошедших через испытания лагеря. Каждая из рассказанных историй по своему уникальна и трогательна, что, в частности, определяется особым (детским) взглядом на происходящее. Общее, что звучит в каждом интервью, – это острое переживание расовой ненависти, которую японские американцы ощущали и до событий в Пёрл-Харбор, но которая многократно усилилась с началом Второй мировой войны. Забегая вперёд, скажем, что об этом говорится буквально во всех источниках, на которые опирается Оцука. Почти в каждом из них также подробно описывается жизнь в лагере: преодоление различных проблем и трудностей (не только материальных, но и психологических), стремление как-то приспособиться к этому новому для них укладу, обустроить быт.

В интервью, содержащихся в книге Эллен Левайн, отражены и другие примечательные особенности времени. Так, во многих свидетельствах вполне лояльно рассказывается о тех, кто записался в 442-ю полковую боевую команду, состоящую только из японцев и вошедшую в армию США³. Одновременно говорится и о тех, кто сопротивлялся правительству и заплатил за это жизнью. Ни тот, ни другой вариант выбора судьбы не представлен как единственно верный. В книге нет ни осуждения, ни принятия того или иного пути.

В целом книга Левайн послужила для Джулии Оцуки прекрасным источником самой разнообразной информации о лагере, его быте и психологии человека, оказавшегося в экстремальной ситуации, требующей выживания.

² Англ. *outsider* – посторонний.

³ Во время Второй мировой войны значительная часть японцев, родившихся в Соединённых Штатах, так называемые *Nisei*, несмотря на то что их близкие находились в лагерях, согласились участвовать в боевых действиях и дали клятву верности американскому правительству. Из них был составлен 442-й полк пехоты, который доблестно сражался в Европе. К концу войны в армии США было уже 26000 японцев. Многие из этого полка были удостоены высших военных наград и благодарностей президента. Память об их подвиге увековечена в названиях трёх дорог в Калифорнии: Мемориальное шоссе военной разведки (Military Intelligence Service Memorial Highway), Мемориальное шоссе 100-го пехотного полка (100th Infantry Battalion Memorial Highway), Мемориальное шоссе 442-го пехотного полка (442th Regimental Combat Team Memorial Highway), а также в документальных и художественных кинофильмах (см. [8]).

Другой тип источников, к которому обратилась Джулия Оцука при написании своего романа о лагере, – автобиография. Это, в частности, книга Ёсико Утиды «Изгнание в Пустыню. Выселение семей американских японцев» [9]. По отношению к указанной нами ранее работе Сандры Тейлор эта автобиография может рассматриваться как оживший документ, в котором повествуется о тех же событиях, о том же лагере Топаз, но не с точки зрения историка, а с позиции самого субъекта истории. Книга Утиды написана от первого лица и повествует о судьбе женщины, которая выросла в городе Беркли, а когда началась война, училась в Калифорнийском университете (University of California). С нападением на Пёрл-Харбор всё изменилось в жизни автора и в жизни его семьи: отец был арестован Федеральным бюро расследований (Federal Bureau of Investigation, FBI), а остальные члены семьи были вынуждены в течение десяти дней освободить свой дом и отправиться в лагерь для перемещённых лиц. Некоторое время, пока они находились на сборном пункте на ипподроме Танфоран, люди вынуждены были жить в стойлах для лошадей. Затем их отправили за колючую проволоку, в концлагерь Топаз, находящийся в пустыне Юта.

Книга Ёсико Утиды представляет собой и рассказ очевидца о повседневной жизни заключённых, и одновременно историю, полную примеров стойкости и мужества, силы духа и чувства общности, позволивших сохранить человеческое лицо и свою национальную идентичность во враждебном мире. Она повествует о том, какую роль в этом сыграли иммигранты первого поколения (Issei), которые учили стойкости младшее поколение, заботились об образовании своих детей и пытались наладить жизнь даже за колючей проволокой.

Выбор источников, на которые опиралась Дж. Оцука при написании своего романа «Когда император был Богом», определялся стремлением не только получить информацию, что называется из первых рук, от живых свидетелей, но и помочь визуально представить себе существование в лагере. В одном из интервью писательница призналась, что «потратила месяцы на изучение истории со слов очевидцев», на изучение газет 1940-х годов [4]. Но она должна была не просто знать, «как и когда всё произошло», но и «как выглядели вещи, где и какие растения росли, какие были размеры казармы, и как это, когда тебя накрывает пыльная буря» [4]. Всё это, по признанию Оцуки, ей важно было знать прежде всего для себя самой, чтобы, рассказывая историю, чувствовать себя уверенно. Писательница подчёркивает, что больше всего её интересовали люди, «а также пейзаж и психология ситуации» [4]. Поэтому бесценным оказался материал, собранный в книге художницы Мине Окубо «Гражданин 13660» [10].

С 1942 по 1944 г. Мине Окубо вместе со своим братом находилась в том же лагере Топаз, в котором пребывала и Ёсико Утида. За годы пребывания здесь Окубо сделала более 2000 рисунков и эскизов повседневной лагерной жизни. Значительная часть из них вместе с 189 текстами, сопровождающими рисунки, вошла в книгу «Гражданин 13660». Перед читателем разворачивается своеобразная хроника авторского лагерного опыта, позволяющая не просто узнать о том, как жили лагерники, но и зрительно представить эти картины.

Следует подчеркнуть, что все названные источники, безусловно, повлияли на Джулию Оцуку. Неслучайно в её романе «Когда император был Богом» можно обнаружить немало переключек с ними. Причём влияние материала,

с которым работала писательница, проявилось как в содержании произведения, так и в его повествовательной структуре.

Напомним, что в основе произведения Оцуки лежит история её семьи. Мать, дядя и бабушка были интернированы на три с половиной года в Топаз, штат Юта. Вот почему в разделе «Источники» писательница называет сразу несколько работ, позволивших ей дополнить эту страницу семейной биографии. В романе «Когда император был Богом», как и в исследовании Сандры Тейлор, автобиографии Ёсико Утиды, книге Мине Кубо, речь идёт об одном и том же ипподроме Танфоран, ставшем пунктом сбора для интернированных японцев, и о том же лагере Топаз. Сходны судьбы отца Ёсико Утиды и деда Джулии Оцуки. Со слов автора романа «Когда император был Богом», дед «был арестован ФБР на следующий день после бомбёжки Пёрл-Харбор и был в заключении в различных лагерях, находящихся в ведении министерства юстиции для “опасных вражеских иностранцев”» [4].

Именно от деда Джулия Оцука получила своеобразную искру, заставившую её задуматься о возможности написать свой роман. В одном из интервью она рассказывает об этом так: «Мой дед умер, когда я была совсем молодой, так что я не помню многого о нём, но однажды несколько лет назад мы нашли коробку в доме моей бабушки. Внутри коробки были письма и открытки, которые дедушка писал ей и детям во время войны. Моя мать прочитала их первой, и я помню, как она сказала мне после этого: “Это как читать рассказ”. Это действительно так, но это скорее односторонняя история (я не знаю, что случилось с бабушкиными письмами), история со многими пробелами и дырами. Кроме того, письма подвергались цензуре, так что я знаю, что есть многое, что не было сказано» [4].

Для своего первого романа Оцука избирает форму повествования, которая помогает ей восстановить историю без «дыр» и «пробелов». Письма деда, дополненные массой других живых свидетельств, с которыми она знакомилась при подготовке к написанию романа, подсказали такой вариант, как несобственно-прямая речь, где сложно переплетены точка зрения автора и героев. Хотя повествование в основном ведётся от третьего лица, в нём явно ощущается идейно-эмоциональная точка зрения четырёх главных героев: матери, дочери, сына и отца. Именно их глазами мы воспринимаем происходящее, то есть у читателя есть возможность услышать не один голос, а своеобразный маленький хор, где у каждого исполнителя своя партия и своё видение происходящего. Эти герои безымянны, что тоже симптоматично, поскольку автору важно рассказать не об индивидуальных судьбах, а о трагедии народа.

В романе «Когда император был Богом» нашёл отражение процесс пробуждения этнического самосознания, о значимости которого писала в своём исследовании Сандра Тейлор. Учитывая, что героями романа Оцуки являются представители второго и третьего поколения иммигрантов, для которых Америка уже давно стала родиной, процесс этот представлен через сложное взаимодействие «своего» и «чужого», происходящее в их сознании и мировосприятии. Особенно драматично это совершается в детском сознании, поскольку третье поколение японцев привыкло к восприятию себя как органичной части поликультурной американской среды. Они не знали японского языка, обычаев,

традиций, дружили с белыми, читали книги только на английском. Неудивительно, что, оказавшись в лагере, мальчик и девочка были поражены, увидев вокруг лишь желтолицых людей с чёрными волосами и раскосыми глазами. Тем не менее то, что Сандра Тейлор назвала в своей книге «общий статус аутсайдеров» [6, р. 271], объединило и детей, и взрослых.

Благодаря множественности точек зрения на происходящее Оцуке удалось создать многоплановую, объёмную картину лагерной жизни. Это полотно можно соотнести с тем зрелищем, что складывается из множества рисунков Окубо в книге «Гражданин 13660» и из множества интервью, содержащихся в книгах Левайн и Тейлор. Это жизнь в самых разных её проявлениях, где есть место не только страданиям, смерти, но и школьным урокам, лекциям, развлечениям, детским играм и даже конкурсам танцев.

В то же время лагерь представлен в книге Мине Окубо как «очередь здесь и очередь там»: «Мы стоим в очереди за почтой, на проверку, за едой, в душ, чтобы помыться, чтобы постирать, в туалет, в больницу, в кино. Мы стоим в очереди за всем» [10, р. 31]. В романе «Когда император был Богом» мы встречаем сходную характеристику лагеря как места, где «главным занятием <...> было ожидание. <...> Они ждали почту. Ждали новостей. Ждали, когда звон колоколов позовёт их на завтрак, обед или ужин. Ждали, когда закончится один день и настанет другой» (К.И.Б.Б., с. 198).

Но если у Окубо *очередь* вполне конкретна, это просто особенность лагерного быта, то у Оцуки *ожидание* представлено как характеристика «пустого места», где время остановилось, где возможна лишь имитация жизни. Это сопоставление позволяет увидеть то, что отличает роман Оцуки «Когда император был Богом» от всех приведённых выше источников. Множество выпуклых деталей, психологически точных подробностей здесь не мешает заметить авторскую установку на выявление в повседневном универсального. Практически с самого начала в данном произведении ощущается мифологический подтекст, связанный с вечным циклическим сюжетом жизни, смерти и возрождения. В связи с этим лагерь предстаёт в романе в двойном свете. С одной стороны, как царство мёртвых, а потому и сам путь к нему сопровождается характерной символикой смерти: за «странным поездом» следуют напоминающие духов смерти чёрные мустанги и чёрный ворон, круживший в небе; расположение лагеря на дне высохшего соляного озера порождает ассоциации с адом. С другой стороны, именно в лагере происходит своеобразный процесс инициации, в результате чего дети обретают новое знание о мире, восстанавливают связь с опытом предков.

В этом плане примечательно и то, что мальчик всё время повторяет запрещённое в лагере имя императора, и то, что каждое утро он слышит мужской голос за стеной, произносящий приветствие императорскому дворцу: “Кокуо ни таишите кеирей” (К.И.Б.Б., с. 225). Проясняется символика названия первого романа Джулии Оцуки, предполагающая отсылку к мифу о божественном статусе императоров. Поскольку боги в японских мифах являются гарантами победы добра над злом [11, с. 31], то и в романе восстановление исторической и этнической памяти воспринимается как путь к возрождению.

Через судьбу отца семейства, который в конце войны возвращается из специального лагеря для «опасных вражеских иностранцев» [4], автор показывает противоположный процесс: человек, сломленный испытаниями ареста и лагеря, обвинением в нелояльности, готов принять ту роль, которая ему навязывалась американским общественным сознанием – «косоглазого снайпера», диверсанта, шпиона, предателя: «Так что вы должны меня арестовать. Арестовать моих детей. Арестовать мою жену. Заморозить мои счета. Конфисковать мой урожай. Обыскать мой офис. Обыскать мой дом. Ликвидировать мою страховку. Продать с аукциона всё моё имущество. Присвоить мне порядковый номер. Сообщить мне, в чём состоит моё преступление» (К.И.Б.Б, с. 282). Этим монологом, в котором отец признаётся во всех смертных грехах, заканчивается повествование.

Как нам представляется, общая стратегия сюжета романа Джулии Оцуки «Когда император был Богом» связана с мифологизацией реальности. В результате сам жанр произведения трансформируется: художественно-документальный дискурс обогащается философским и психологическим, конкретно-историческое приобретает очертания вечного, универсального.

Источники

К.И.Б.Б. – *Оцука Дж.* Когда император был Богом. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. – С. 151–283.

Литература

1. *Takei G.* Why I love country which once betrayed me. – URL: http://www.ted.com/talks/george_takei_why_i_love_a_country_that_once_betrayed_me, свободный.
2. *Савельев И.Р.* Японцы за океаном: История японской эмиграции в Северную и Южную Америку. – СПб.: Петерб. востоковедение, 1997. – 224 с.
3. Джулия Оцука: «Японцы стараются держать свои проблемы при себе» [Интервью] // Изв. – 2014. – 28 февр. – URL: <http://izvestia.ru/news/566625>, свободный.
4. *Julia Otsuka* [Interview]. – URL: http://bookbrowse.com/author_interviews/full/index.cfm/author_number/807/julie-otsuka, свободный.
5. *Girdner A., Loftis A.* The Great Betrayal: The Evacuation of the Japanese-Americans during the World War II. – London: MacMillan, 1969. – 562 p.
6. *Taylor S.C.* Jewel of the Desert: Japanese American Internment at Topaz. – Berkeley: Univ. California Press, 1993. – 343 p.
7. *Levine E.* A Fence Away From Freedom: Japanese Americans and World War II. – N. Y.: G.P. Putnam's Sons., 1995. – 260 p.
8. 442nd Regimental Combat Team. – URL: <http://www.the442.org>, свободный.
9. *Ushida Y.* Desert Exile: the Uprooting of a Japanese-American Family. – Seattle: Univ. Washington Press, 1984. – 160 p.
10. *Okubo M.* Citizen 13660. – Seattle: Univ. Washington Press, 1983. – 226 p.
11. *Садокова А.Р.* Японский фольклор (в контексте мифолого-религиозных представлений). – М.: ИМЛИ РАН, 2001. – 256 с.

Поступила в редакцию
20.03.16

Хованская Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для социально-гуманитарного направления

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: katja.khovanskaya@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 1, pp. 264–273

**The Tragedy of Internment during the World War II
in Contemporary Semidocumentary Japanese-American Discourse**

E.S. Khovanskaya

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: katja.khovanskaya@gmail.com

Received March 20, 2016

Abstract

The paper deals with description, classification, and analysis of historical, documentary, and autobiographic sources which underlie the novel “When the Emperor was Devine” by Julie Otsuka, a contemporary Japanese-American writer. It is devoted to the tragedy of Americans having the Japanese ancestry who were rounded up and herded into the relocation camps during the World War II. The subject of the analysis is the transformation of the historical fact into a work of art. The aim of the paper is to track the way J. Otsuka has made from documentation to a novel.

J. Otsuka’s choice of the references was determined by the desire not only to receive the first-hand information from the live witnesses, but to visualize their living in the internment camps.

The books and documentary evidence are divided into three groups according to their function in the transformation process of documentation into a fictional fact. The paper shows that the material J. Otsuka worked with has made itself evident both in the content and in the narrative structure of the novel.

The author comes to the conclusion that the narrative strategy is connected with the mythologization of reality. As a result, the genre of the work itself is transformed: the artistic and documentary discourse is enriched with the philosophical and psychological one, the concrete historical facts turn into something eternal and universal.

Keywords: World War II, internment, camp, contemporary Japanese-American discourse, historical fact, documentary sources, transformation, fictional fact, novel, Julia Otsuka

References

1. Takei G. Why I love country which once betrayed me. Available at: http://www.ted.com/talks/george_takei_why_i_love_a_country_that_once_betrayed_me.
2. Savel’ev I.R. Japanese People across the Sea: The History of Japanese Emigration into the North and South America. St. Petersburg, Peterb. Vostokoved., 1997. 224 p. (In Russian)
3. Julia Otsuka: “Japanese people try to keep their problems to themselves”. Interview. *Izvestiya*, 2014, Feb. 28. Available at: <http://izvestia.ru/news/566625>. (In Russian)
4. Julia Otsuka. Interview. Available at: http://bookbrowse.com/author_interviews/full/index.cfm/author_number/807/julie-otsuka.
5. Girdner A., Loftis A. The Great Betrayal: The Evacuation of the Japanese-Americans during the World War II. London, MacMillan, 1969. 562 p.

6. Taylor S.C. Jewel of the Desert: Japanese American Internment at Topaz. Berkeley, Univ. of Calif. Press, 1993. 343 p.
 7. Levine E. A Fence Away From Freedom: Japanese Americans and World War II. New York, G.P. Putnam's Sons, 1995. 260 p.
 8. 442nd Regimental Combat Team. Available at: <http://www.the442.org>.
 9. Ushida Y. Desert Exile: The Uprooting of a Japanese-American Family. Seattle, Univ. of Wash. Press, 1984. 160 p.
 10. Okubo M. Citizen 13660. Seattle, Univ. of Wash. Press, 1983. 226 p.
 11. Sadokova A.R. Japanese Folklore (in the Context of Mythological and Religious Concepts). Moscow, IMLI Ross. Akad. Nauk, 2001. 256 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Хованская Е.С. Трагедия интернирования в годы Второй мировой войны в современном художественно-документальном японско-американском дискурсе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 264–273. ⟩

⟨ **For citation:** Khovanskaya E.S. The tragedy of internment during the World War II in contemporary semidocumentary Japanese-American discourse. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 264–273. (In Russian) ⟩